

**Сборник товарищества
"Знание" за 1907 год**

Книга восемнадцатая

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С23

С23 Сборник товарищества "Знание" за 1907 год: Книга восемнадцатая / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 331 с.

ISBN 978-5-458-52986-0

"Знание" - российское книгоиздательское товарищество, Санкт-Петербург, 1898-1913. С 1902 "Знание" возглавлял Максим Горький, объединивший во-круг издательства демократических писателей. С 1904 выпускались "Сборники товарищества "Знание", состоящие из произведений М. Горького, А. И. Куприна, А. С. Серафимовича, И. А. Бунина и др., а также массовые серии политических брошюр.

ISBN 978-5-458-52986-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

М. ГОРЬКІЙ.

МАТЬ.

(Продолженіе).

М. Горькій. Мать.

За англійскимъ изданіемъ этой повѣсти, выпущеннымъ фирмой

Appleton and Company.

436 Fifth Avenue, New-York,

или ея уполномоченными,

закрѣплены всѣ права оригинала. Оно пользуется защитой законовъ объ авторскихъ правахъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, въ Великобританіи и другихъ странахъ, гдѣ говорятъ по-англійски.

Во избѣжаніе недоразумѣній, гг. переводчиковъ просить предварительно обращаться къ указанной фирмѣ, или къ представителю автора внѣ Россіи, Ив. Павл. Ладыжникову, адресъ котораго:

Berlin W, 15, Uhlandstrasse. 145;

*„Bühnen-und-Buch Verlag russischer Autoren
I. Ladyschnikow“.*

XVII.

Жизнь текла быстро, дни были пестры, разнолицы. Каждый приносилъ съ собой что-нибудь новое, и оно уже не тревожило мать. Все чаще по вечерамъ являлись незнакомые люди; они озабоченно, вполголоса бесѣдовали съ Андреемъ и поздно ночью, поднявъ воротники, надвигая шапки низко на глаза, уходили во тьму, осторожные, безшумные. Въ каждомъ чувствовалось сдержанное возбужденіе; казалось, всѣ хотятъ пѣть, и смѣяться, но имъ было некогда, они всегда торопились. Одни насмѣшливые и серьезные, другіе открыто веселые, сверкающіе силой юности, третьи задумчиво тихіе—всѣ они имѣли въ глазахъ матери что-то одинаково настойчивое, увѣренное, и хотя у cadaго было свое лицо, для нея всѣ лица сливались въ одно—худое, спокойно рѣшительное, ясное лицо съ глубокимъ взглядомъ темныхъ глазъ, ласковымъ и строгимъ, точно взглядъ Христа на пути въ Эммаусъ.

Мать считала ихъ, мысленно собирая толпой вокругъ Павла,—въ этой толпѣ онъ становился незамѣтнымъ для глазъ враговъ.

Однажды изъ города явилась бойкая, кудрявая дѣвушка; она принесла для Андрея какой-то свертокъ и, уходя, сказала Власовой, блестя веселыми глазами:

— До свиданья, товарищъ!

— Прощайте!—сдержавъ улыбку, отвѣтила мать.

А проводивъ дѣвочку, подошла къ окну и смѣясь смотрѣла, какъ по улицѣ, часто сѣменя маленькими ножками, шелъ ея товарищъ, свѣжій, какъ весенній цвѣтокъ, и легкій, какъ бабочка.

— Товарищъ!—сказала мать, когда гостя исчезла.— Эхъ ты, милая! Дай тебѣ Господи товарища честнаго на всю твою жизнь.

Она часто замѣчала во всѣхъ людяхъ изъ города что-то дѣтское и снисходительно усмѣхалась, но, въ то же время, ее трогала и радостно удивляла ихъ вѣра, глубину которой она чувствовала все яснѣе, ее ласкали и грѣли ихъ мечты о торжествѣ справедливости, слушающая которыя, она невольно вздыхала, въ невѣдомой печали. Но особенно трогала ее въ людяхъ простота и красивая, щедрая небрежность къ самимъ себѣ.

Она уже многое понимала изъ того, что говорили они о жизни, чувствовала, что они открыли вѣрный источникъ несчастія всѣхъ людей, и привыкла соглашаться съ ихъ мыслями. Но въ глубинѣ души она не вѣрила, что они могутъ перестроить всю жизнь по-своему и что хватить у нихъ силы привлечь на свой огонь весь рабочій народъ. Каждый хочетъ быть сытымъ сегодня, и никто не желаетъ отложить свой обѣдъ даже на недѣлю, если можетъ съѣсть его сейчасъ. Не многіе пойдутъ этой дальней и трудной дорогой, не всѣ глаза увидятъ въ концѣ ея сказочное царство братства людей. Вотъ почему всѣ они, эти хорошіе люди, несмотря на ихъ бороды и, порою, усталыя лица, казались ей дѣтьми.

-- Милые вы мои!—думала она, покачивая головой.

Но всѣ они уже теперь жили хорошей, серьезной и умной жизнью, всѣ говорили о добромъ и, желая научить людей тому, что знали, дѣлали это, не щадя себя. Она понимала, что такую жизнь можно любить, несмотря на ея опасность, и, вздыхая, оглядывалась на-

задь, гдѣ темной и узкой полосой плоско тянулось ея прошлое. У нея незамѣтно сложилось спокойное сознаніе своей надобности для этой новой жизни,—раньше она никогда не чувствовала себя нужной кому-нибудь, а теперь ясно видѣла, что нужна многимъ; это было ново, пріятно и приподняло ей голову...

Она аккуратно носила на фабрику книжки, смотрѣла на это, какъ на свою обязанность, и уже выработала себѣ много ловкихъ пріемовъ, стала привычной для сыщиковъ, примелькалась имъ. Нѣсколько разъ ее обыскивали, но всегда на другой день послѣ того, какъ листки появлялись на фабрикѣ. Когда съ нею ничего не было, она умѣла возбудить подозрѣніе сыщиковъ и сторожей; они хватили ее, обшаривали, она притворялась обиженной, спорила съ ними и, пристыдивъ, уходила, гордая своей ловкостью. Ей начинала нравиться эта игра.

Вѣсовщикова на фабрику не приняли; онъ поступилъ въ работники къ торговцу лѣсомъ и цѣлые дни возилъ по слободкѣ бревна, тесъ и дрова. Мать почти каждый день видѣла его: круто упираясь дрожащими отъ натуги ногами въ землю, шла пара вороныхъ лошадей; обѣ онѣ были старья, костлявыя, головы ихъ устало и печально качались, тусклые глаза измученно мигали; за ними вдрагивая тянулось длинное, мокрое бревно или груда досокъ, громко хлопая концами, а сбоку, опустивъ возжи, шагаль Николай, оборванный, грязный, въ тяжелыхъ сапогахъ, въ шапкѣ на затылокъ, неуклюжій, точно пень, только-что вывороченный изъ земли. Онъ тоже качаетъ головой, смотреть себѣ подъ ноги и ничего не хочетъ видѣть. Его лошади слѣпо наѣзжаютъ на встрѣчныя телѣги, на людей, около него выются, какъ шмели, сердитыя ругательства, рѣжутъ воздухъ злые окрики. Онъ, не поднимая головы, не отвѣчая имъ, свиститъ рѣзкимъ, оглушающимъ свистомъ и глухо бормочетъ лошадямъ:

— Ну, бери, бери...

Каждый разъ, когда у Андрея собирались товарищи на чтеніе новаго номера заграничной газеты или брошюры, приходилъ и Николай, садился въ уголь и молча слушалъ часъ, два. Кончивъ чтеніе, молодежь долго спорила, но Вѣсовщиковъ не принималъ участія въ спорахъ. Онъ оставался дольше всѣхъ и, одинъ на одинъ съ Андреемъ, ставилъ ему угрюмый вопросъ:

— А кто всѣхъ виноватѣе?

— Виноватъ, видишь-ли, тотъ, кто первый сказалъ: это мое! Человѣкъ этотъ померъ нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, и на него сердиться не стоитъ!—шутя говорилъ хохолъ, но глаза его смотрѣли безпокойно.

— А богатые? А тѣ, которые за нихъ стоятъ? Они правы?

Хохолъ хватался за голову, дергалъ усы и долго говорилъ простыми словами о жизни и людяхъ. Но у него всегда выходило такъ, какъ будто виноваты всѣ люди вообще, и это не удовлетворяло Николая. Плотнo сжавъ толстыя губы, онъ отрицательно качалъ головой и, недовѣрчиво заявляя, что это не такъ, что онъ этого не понимаетъ, уходилъ недовольный и мрачный.

Однажды онъ сказалъ:

— Нѣтъ, виноватые должны быть... они тутъ! Я тебѣ скажу: намъ надо всю жизнь перепахать, какъ сорное поле... безъ пощады!

— Вотъ такъ однажды Исая табельщикъ про васъ говорилъ!—вспомнила мать.

— Исая?—спросилъ Вѣсовщиковъ, помолчавъ.

— Да. Злой человѣкъ! Подсматриваетъ за всѣми, выспрашиваетъ... по нашей улицѣ сталъ ходить и въ окна къ намъ заглядывать...

— Заглядываетъ?—повторилъ Николай.

Мать уже лежала въ постели и не видѣла его лица. Но она поняла, что сказала что-то лишнее, потому что хохолъ торопливо и примирительно заговорилъ:

— А пускай его ходить и заглядывает! Есть у него свободное время, онъ и гуляетъ...

--- Нѣтъ, погоди! — глухо сказалъ Николай. — Вотъ онъ, виноватый!

— Въ чемъ? — быстро спросилъ хохоль. — Что онъ глупъ?

Но Вѣсовщиковъ не сталъ отвѣчать ему и ушелъ.

Хохоль медленно и устало зашагалъ по комнатѣ, тихо шаркая тонкими, паучьими ногами. Сапоги онъ снялъ, всегда дѣлая это, чтобы не стучать и не беспокоить Власову. Но она не спала и, когда Николай ушелъ, сказала тревожно:

— Боюсь я его! Онъ—точно печь, жарко натопленная: не грѣетъ, а жжетъ...

— Да-а!..— медленно протянулъ хохоль.—Мальчикъ сердитый. Вы, ненько, про Исая съ нимъ не говорите... этотъ Исай дѣйствительно шпионить... и даже деньги за это беретъ!

-- Что мудренаго? У него кумъ жандармъ! — замѣтила мать.

— Пожалуй, поколотить его Николай! — съ опасеніемъ продолжалъ хохоль. — Вотъ, видите, какія чувства воспитали господа командиры нашей жизни у нижнихъ чиновъ? Когда такіе люди, какъ Николай, почувствуютъ свою обиду и вырвутся изъ терпѣнья... что это будетъ? Небо кровью забрызгаютъ, и земля въ ней, какъ мыло, вспѣнится...

— Страшно, Андрюша!—тихо воскликнула мать.

— Не глотали бы мухъ, такъ не вырвало бы! — помолчавъ, сказалъ Андрей.—И, все-таки, ненько, каждая капля ихъ крови заранѣе омыта озерами народныхъ слезъ...

Онъ вдругъ тихо засмѣялся и добавилъ:

— Это справедливо... ну—не утѣшаетъ!

...Однажды въ праздникъ мать пришла изъ лавки, отворила дверь и встала на порогъ, вся вдругъ обли-

тая радостью, точно теплымъ, лѣтнимъ дождемъ: въ комнатѣ звучалъ крѣпкій голосъ Павла.

— Вотъ она!—крикнулъ хохоль.

Мать видѣла, какъ быстро обернулся Павелъ, и видѣла, что его лицо вспыхнуло чувствомъ, обѣщавшимъ что-то большое для нея.

— Вотъ и пришелъ... и дома... — забормотала она, растерявшись отъ неожиданности, и сѣла.

Онъ наклонился къ ней, блѣдный, въ углахъ его глазъ свѣтло засверкали маленькія слезинки, и губы вздрагивали. Секунду онъ молчалъ, мать смотрѣла на него тоже молча.

Хохоль, тихо насвистывая, прошелъ мимо нихъ, опустивъ голову, и вышелъ на дворъ.

— Спасибо, мама! — глубокимъ, низкимъ голосомъ заговорилъ Павелъ, тиская ея руку вздрагивающими пальцами.—Спасибо, родная!

Радостно потрясенная выраженіемъ лица и звукомъ голоса сына, она гладила его голову и, сдерживая біеніе сердца, тихонько говорила:

— Христось съ тобой!.. За что... зачѣмъ?

— За то, что помогаешь великому нашему дѣлу. спасибо!—говорилъ онъ.—Когда человѣкъ можетъ называть мать свою и по духу родной, это рѣдкое счастье!

Она молча жадно глотала его слова открытымъ сердцемъ и любовалась сыномъ,—онъ стоялъ передъ нею такой свѣтлый и такъ близкій.

— Я молчалъ, мама... я видѣлъ: многое въ моей жизни задѣваетъ тебя... жалко мнѣ было душу твою, а сдѣлать я ничего не могъ, не умѣлъ! Думалъ, — никогда ты не помиришься съ нами, не примешь наши мысли, какъ свои... а только молча будешь терпѣть, какъ всю жизнь терпѣла. Это тяжело было!..

— Андрюша очень много далъ мнѣ понять!—встала она, повинувась желанію напомнить сыну о товарищѣ.

— Онъ мнѣ рассказывалъ про тебя! — смѣясь, сказала Павелъ.

— Егоръ тоже. Мы съ нимъ земляки... Андрюша даже грамотѣ хотѣлъ учить...

— А ты сконфузилась и сама потихоньку стала учиться?..

— Ужъ онъ подглядѣлъ! — смущенно воскликнула она. И, обезпокоенная обиліемъ радости, наполнявшей ея грудь, снова предложила Павлу:

— Позвать бы его! Нарочно ушелъ, чтобы не мѣшать. У него—матери нѣтъ...

— Андрей!.. — крикнулъ Павелъ, отворяя дверь въ сѣни.—Ты гдѣ?

— Здѣсь. Дрова колотъ хочу...

— Время!.. Иди сюда!

— Иду...

Но онъ пришелъ не сразу, а, войдя въ кухню, хозяйственно заговорилъ:

— Надо сказать Николаю, чтобы дровъ привезъ: мало дровъ у насъ. Вы видите, ненько, какой онъ, Павелъ? Въмѣсто того, чтобы наказывать, начальство только откармливаетъ бунтарей...

Мать засмѣялась. У нея еще сладко замирало сердце, она была опьянена радостью, но уже что-то скупое и осторожное вызывало въ ней желаніе видѣть сына спокойнымъ, такимъ, какъ всегда. Было слишкомъ хорошо въ душѣ, и она хотѣла, чтобы первая радость ея жизни сразу и навсегда сложилась въ сердцѣ такой живой и сильной, какъ пришла. И опасаясь, какъ бы не убавилось счастья, она торопилась скорѣе прикрыть его, точно птицеловъ---случайно пойманную имъ рѣдкую птицу.

— Давайте обѣдать!.. Ты, Паша, вѣдь не ѣлъ еще?-- суетливо предложила она.

— Нѣтъ. Я вчера узналъ отъ надзирателя, что меня рѣшили выпустить, и сегодня—не пилось, не ѣлось...

Перваго встрѣтилъ я здѣсь старика Сизова... Увидаль онъ меня, перешель дорогу, здоровається. Я ему говорю: вы теперь осторожнѣе со мной,—я человѣкъ опасный, нахожусь подъ надзоромъ полиціи. „Ничего,“ говоритъ. И знаешь, какъ онъ спросилъ о племянникѣ? „Что,“ говоритъ, „Федоръ хорошо себя велъ?“ Что значить—хорошо себя вести въ тюрьмѣ? „Ну,“ говоритъ, „лишняго чего не болталъ ли противъ товарищей?“ И когда я сказалъ, что Федя человѣкъ честный и умница, онъ погладилъ бороду и гордо такъ заявилъ: „мы, Сизовы, въ своей семьѣ плохихъ людей не имѣемъ...“

— Онъ старикъ съ мозгомъ!—сказалъ хохоль, кивая головой.—Мы съ нимъ часто разговариваемъ, хорошій мужикъ. Скоро Федю выпустятъ?

— Всѣхъ выпустятъ, я думаю! У нихъ ничего нѣтъ, кромѣ показаній Исае, а онъ что же могъ сказать?

Мать ходила взадъ и впередъ и смотрѣла на сына. Андрей, слушая его рассказы, стоялъ у окна, заложивъ руки за спину. Павелъ расхаживалъ по комнатѣ. У него отросла борода, мелкія кольца тонкихъ, темныхъ волосъ густо вились на щекахъ, смягчая смуглый цвѣтъ лица. Потемнѣвшіе глаза смотрѣли строго.

— Садитесь!—предложила мать, подавая на столъ горячее.

За обѣдомъ Андрей рассказалъ о Рыбинѣ. И когда онъ кончилъ, Павелъ съ сожалѣніемъ воскликнулъ:

— Будь я дома, я бы не отпустилъ его такъ! Что онъ понесъ съ собой? Большое чувство возмущенія и путаницу въ головѣ.

— Ну,—сказалъ хохоль, усмѣхаясь,—когда чело-вѣку сорокъ лѣтъ, да онъ самъ долго боролся съ медвѣдями въ своей душѣ, трудно его передѣлать...

Завязался одинъ изъ тѣхъ споровъ, когда люди начинали говорить словами, непонятными для матери. Кончили обѣдать, а все еще ожесточенно осыпали